

2

1966

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЗЕРКАЛДЖАН

МИР ДЖАЛАЛ

РАССКАЗЫ

Случая годо...

В боях под Керчью я был тяжело ранен. Почти два с половиной месяца — семьдесят два дня — пришлось проваляться в госпитале. Что со мной ни делали! И резали, и штопали, и чинили. Наконец, я встал на ноги. Однако о возвращении на фронт и даже о продолжении службы в армии не могло быть и речи. Меня демобилизовали.

Вскоре после приезда домой меня вызвали в Центральный Комитет партии. Мне предложили руководящую должность в одном институте. По правде говоря, я обрадовался. Во-первых, я и до войны работал в этом институте и прекрасно знал всех преподавателей. Во-вторых, такая работа вообще была мне по душе.

Однако теперь, в условиях войны, вуз явился мне как бы в новом обличье. Стиль и форма работы совершенно изменились. Лозунг партии «Все для фронта, все для победы», как и для всех, был священным и для преподавателей, и для студентов, стал лозунгом нашей работы, нашей жизни.

Естественно, в то время, когда враг градом сыпал с неба бомбы, нам было не до классных журналов, не до выискивания недостающих точек или запятых в студенческих тетрадях. На это просто не хватало времени. Не бывало дня, чтобы наш институт не копал окопы, не дежурил на крышах домов во время воздушных налетов, не ездил на вокзал встречать эвакуированных. Мы проводили беседы, лекции, давали концерты в госпиталях, школах, домоуправлениях, прямо на вокзалах, в вагонах эшелонов, в аэропорту, в готовящихся к отлету самолетах. А по вечерам занимались военным делом, чтобы в нужную минуту взять в руки оружие.

Многие из моих читателей, конечно, помнят, а те, кто помоложе, знают по рассказам, какие это были тяжелые времена. Продовольствия не хватало. Служащие получали пятьсот, а иждивенцы, так называли тех, кто не работал, всего триста граммов хлеба в день. Люди едва успевали получить свой паек, как тут же съедали его, запивая пустым чаем, и с нетерпением ждали выдачи завтрашней нормы. Потеря хлебной карточки была самой большой трагедией.

Однажды я встретил своего старого друга:

— О, здравствуй! Как дела? Что слышно в институте? Как настроение?

— Э, — я махнул рукой, — дела как у всех, настроение такое же, а в институте за последние три месяца похоронили нескольких преподавателей. Сам понимаешь...

Друг мой опустил голову, помолчал. Да и что он мог сказать. Так было везде. По всей стране. А во многих городах положение было куда тяжелее, чем у нас.

И вдруг в один прекрасный день директор нашего института радостно объявил:

— Приятные новости.

И он рассказал о специальном решении Комитета обороны, которым для научных работников назначались дополнительные нормы продовольствия, почти равные фронтовым. Директоров высших учебных заведений пригласили в Центральный Комитет. Там им сказали: «Страна переживает тяжелые, очень тяжелые дни. И если партия и правительство в такое время находят нужным выделить большие продовольственные ресурсы для ученых, то это в первую очередь для настоящих ученых, для людей, все силы отдающих служению народу и родине. Будьте разборчивы. Тщательно проверяйте все документы каждого человека. Случайные люди не должны извлечь личную выгоду из этого постановления. Не допускайте этого. Списки ученых должны составляться под контролем руководителей институтов. Как коммунисты, вы будете отвечать за них своими партийными билетами...».

Обо всем этом директор говорил очень радостным тоном. Я понимал его. Новое постановление означало очень многое для деятелей науки и членов их семей. Однако у меня на сердце было тревожно. Малейшая ошибка при распределении лимита, выделенного тому или другому институту, могла привести его руководителя на скамью военного трибунала.

В тот же вечер мы приступили к проверке личных дел всех сотрудников и составлению списков. Всех, кто работал у нас в институте — от профессоров до лаборантов — я знал. С одними меня связывали годы давней дружбы, другие были мне знакомы куда меньше. Некоторые были моими учителями, многих я учил сам. Так или иначе, работая здесь чуть ли не со дня основания института, я знал коллектив гораздо лучше, чем наш молодой секретарь партийной организации Алышан.

В те дни, чего уж там греха таить, бумагам всяким, анкетам, удостоверениям, дипломам, характеристикам верили значительно больше, чем живому человеку. Бывало на простой вопрос: «Что вы скажете о таком то?» руководитель учреждения никогда не отвечал просто. Напускал на себя глубокомысленный вид и таинственно изрекал: «Проверим анкеты, тогда посмотрим».

Нередко случалось, что под влиянием каких-нибудь анкетных данных отношение к человеку, знакомому чуть ли не с самого детства, вдруг резко менялось. Фетишизм бумажек доходил до такого абсурда, что слова живого человека, его дела абсолютно не принимались в расчет, а оценивали его по каким-то пожелтевшим справкам. День ото дня умножались ряды наглухо замкнутых железных шкафов, сейфов, а угрюмые делопроизводители становились неприступными, как укрепленная крепость.

Вот в таких то условиях и мы, копошась среди запыленных папок с полуистлевшими листками бумаги, должны были составить список ученых, достойных получать усиленное питание, как тогда называли

продовольственный лимит. Когда мы добрались до личного дела профессора Шекибейли, парторг Алышан удивленно поднял брови:

— А где документы этого старика? Кроме коротенькой автобиографии и копии приказа о зачислении на работу здесь ничего нет.

— Как ничего?

— Ничего! Ни одной бумажки!

— Не может быть!

— А не перепутано? Вдруг не в ту папку попало?

Мы пригласили делопроизводителя, секретаря. Тщетно. Спросили самого профессора. Он небрежно махнул рукой.

— А что там еще должно быть? Никаких удостоверений я никогда не храню. Зачем они мне? Самое главное — мои книги. Их я привез, когда переезжал из Воронежа, а за документами я даже не пошел.

Алышан возмущенно посмотрел на меня:

— Но как мы можем включить в такой ответственный список человека, у которого нет ни диплома, ни характеристики, ни послужного списка.

— Но я прекрасно знаю профессора Шекибейли. Он работает здесь уже больше пятнадцати лет. Это крупнейший специалист в своей области.

— Товарищ ректор, это все, конечно, прекрасно, но нужны документы.

Я не сдавался:

— Мы должны отстоять человека, которого знаем лично.

Алышан отрицательно покачал головой и, с иронической улыбкой возразил:

— Что ж, выходит, ради знакомства мы рискуем распрощаться с партийными билетами? «Крупнейший специалист»! Крупнейшими специалистами называют тех, у кого в кармане есть надежные документы. Вы — как хотите, а я на такой риск не пойду.

Как бы я ни уважал Шекибейли, я должен был признать, что, пока он не принесет официальные документы, диплом, удостоверения, я не смогу решить его вопрос положительно.

— Но, послушайте, Алышан, это же наш старейший профессор, его все знают.

Алышан почему-то не отвечал мне прямо, а все время обращался к ректору.

— Товарищ ректор, за одно то, что я, вернее, мы знаем его лично, и копейки не дадут! Раз нет документов, пусть знают все, хоть весь мир, кто может, кто захочет быть свидетелем? Да и что толку от этих знакомых, от свидетелей. Их к делу не подколешь. Нужны документы! Документы с печатью, со штампом, с подписью! У нас требуют документы. В таком ответственном месте целых два часа читали лекцию, разъясняли, растолковывали, а мы... — Алышан перечеркнул карандашом фамилию Шекибейли. — Нет, как хотите, а я попадать под трибунал не согласен.

Делать было нечего. Я понимал, что просьбы ни к чему не приведут. Я взял личное дело профессора, еще раз перелистал. Я и сам знал: документы, справки, диплом — это все. Нет их — и никакие слова не имеют никакого смысла, не принесут никакой пользы.

— Значит, говоришь, что мы должны обделить эту глыбу, этого мудрейшего ученого?

— Не мы, он сам виноват. Не можем же мы состряпать для него какие-то документы!

— А что скажут люди?

— Если люди что-нибудь скажут, мы покажем им эту пустую папку. Человека, у которого личное дело в таком состоянии, не допустят не только в высшее учебное заведение, но и к водяной будке.

— Но это известный человек!

— Нам не нужна известность! Нам нужны документы. Документы с печатью! Удостоверения. Раз их нет...

Слова Алышана, твердые и резкие, как приговор, совсем обескуражили меня.

Я понимал: по инструкции, которую нам дали, к Алышану не дерешься. Действия его абсолютно правильны. Но стоило мне подумать о судьбе Шекибейли, как я приходил в ужас. Как можно обойти такого крупнейшего специалиста, как можно лишить его тех благ, которые государство выделило ученым?

Но что ответить Алышану? Нечего. А от самого Шекибейли помощи ждать не приходится. Ему и невдомек, какую задачу он мне задал, как мучительно я ищу выход, чтобы обеспечить его продуктами, сделать его жизнь более спокойной. Не зная, что предпринять, я решил еще раз обратиться к парторгу:

— Алышан, а, может, посоветуемся...

— Какие еще советы? С кем? Где?

— Ну, там, наверху, в Министерстве высшего образования...

— Министерство прислало положение, там все ясно сказано.

— Да нет... Я об этом старике. Напишем обо всем, запросим, что можно сделать в таком исключительном случае. Каждое правило имеет исключение, не правда ли?

Алышан отложил в сторону бумаги, которые держал в руках, закрыл папку, лежавшую перед ним, опустил голову на руки и уставился мне прямо в глаза. Я думал, что он размышляет, ищет путь к решению этой головоломки. Но он все молчал. Я повторил:

— По-моему, неплохо бы посоветоваться. Давайте напишем!

Секретарь парткома радостно поднялся с места, словно мое предложение сняло тяжкий груз с его плеч:

— Ну что ж, не возражаю. Идея неплохая, давайте напишем, запросим. Посмотрим, что они скажут.

Я обрадовался. Но тут же вдруг вспомнил совсем о другом обстоятельстве. О нем нельзя было говорить ни парторгу, ни ректору, ни кому-нибудь другому. И именно это обстоятельство теперь беспокоило меня больше всего. Над ним-то я и задумался, идя из института домой. У меня было такое ощущение, будто, справившись с одной бедой, я попал в другую. Как говорится, из огня, да в полымя.

А дело было вот в чем.

Много лет назад Шекибейли работал в Воронежском медицинском институте. Был не то деканом, не то заместителем директора, точно не помню. Знаю только, что, как это нередко бывает, кое с кем из коллег у него были довольно жестокие споры. Одного из его противников, профессора Худакова, даже освободили от должности. Кроме того, Шекибейли выступил в печати и резко критиковал его.

А теперь никто иной, как именно этот профессор Худаков был министром высшего образования. Нет сомнения, что он прекрасно помнит Шекибейли. И, наверное, когда мы пошлем запрос об этом старике, Худаков не упустит случая отомстить ему. Кто знает, вдруг вместо того, чтобы помочь Шекибейли, я сделаю еще хуже. Ведь одного слова министра достаточно, чтобы бедного старика выгнали. Может быть, вообще не стоит подымать этот разговор, не стоит писать? Как поступить, чтобы никто не пострадал? Я метался между двух огней. А Шекибейли, ко-

нечно, и в ус не дул. Ему даже в голову не могло придти, что его личное дело, вернее его личные дела, причиняют мне столько хлопот.

Прошло несколько дней. Я все не мог решиться написать в министерство. Однажды меня встретил в коридоре Алышан. Сначала он прошел мимо, потом вернулся и окликнул меня:

— Ну, что вам ответили из Москвы?

Я смущенно пожал плечами:

— Да все как-то не успеваю написать...

Его вопрос словно подстегнул меня. Я быстро прошел к себе в кабинет, вызвал секретаря и продиктовал письмо, попросив отправить его как можно скорее.

Не помню точно, десять или пятнадцать дней прошло после нашего запроса в министерство, когда однажды мне принесли объемистый конверт с сургучными печатями. Сердце мое екнуло.

Не в силах совладать с охватившим меня волнением, я дрожащими руками вскрыл пакет. Но едва прочел первые строки, как на душе у меня стало легко. На бланке министерства, эвакуированного в какой-то из сибирских городов, было написано: «Большое спасибо, товарищи, за то, что вы сообщили нам о профессоре Шекибейли. Мы рады, что старейший профессор жив и здоров. Просим вас, берегите его, позаботьтесь о нем. У этого человека огромные заслуги перед родиной, перед отечественной наукой. Он имеет полное право на льготы, которые советское правительство предоставило ученым».

Кроме этого, дышавшего любовью и заботой письма, подписанного Худаковым, в конверт были вложены прекрасная характеристика, тоже скрепленная подписью министра, и дубликат диплома профессора Шекибейли.

С чувством радостного торжества в душе я вызвал секретаря парт-организации и показал ему письмо.

— Вот видишь... Вот как отомстил своему «врагу» профессор Худаков. А ведь когда-то его уволили после критики Шекибейли...

Алышан улыбнулся:

— Мир не без честных людей, как говорится. Настоящий человек, настоящий ученый не будет мстить за справедливую критику.

— Да, да... — радостно подтвердил я. — Надо рассказать об этом профессору.

Мой застенчивый ученик

— Сегодня будем разбирать заявление Амикишиева. Если можете, зайдите пожалуйста. — Декан факультета смотрел на меня, ожидая ответа.

Я знал о заявлении Амикишиева и, хотя времени у меня было в обрез, пришел на заседание партбюро. Среди многих других дел мне приходилось заниматься и распределением стипендии.

Как только секретарь прочел заявление, один из членов бюро бросил с места:

— Э-ге-ге, стипендию просит... Да ведь его папаша — министр. Рублей четыреста-пятьсот каждый месяц получает. У нас еще столько нуждающихся студентов... Если дадим стипендию Амикишиеву, нас просто засмеют.

Никто не ответил. Но по молчанию, установившемуся в комнате, по взглядам, обращенным на секретаря, было ясно, что все относятся к заявлению одинаково. Многие из сидевших помнили, что Фаик Амикишиев подавал такое же заявление и в прошлом году. Ему отказали. И тот факт, что сейчас он опять повторял свою просьбу, отнюдь не располагал в его пользу.

Фаик чувствовал это. Поэтому, когда декан вызвал его и стал задавать вопросы, он несколько минут переводил с одного лица на другое умоляющий взгляд, и, наконец, с трудом выговорил:

— Я очень прошу... если можно, ничего не решайте, не выслушав меня.

— Да что там слушать? Твоя просьба изложена в заявлении, что тут еще говорить?

Фаик повернулся ко мне:

— Профессор, вы знаете меня лучше других, я прошу: дайте мне все объяснить. Тут дело не только в стипендии.

В голосе его слышалась такая мольба, такая неподдельная искренность, что я не мог не посочувствовать ему и незаметно подал знак секретарю, мол, пусть расскажет. Тот согласился:

— Ну что ж, дадим тебе возможность высказаться. Говори...

Я думал, Фаик обрадуется и тут же начнет рассказывать. Но он стоял молча, низко опустив голову.

Декан повторил:

— Мы слушаем тебя, говори...

Его поддержали:

— Не стесняйся, Фаик!

— Расскажи, в чем дело.

Фаик медленно поднял глаза и, как-то искоса глядя на декана, сказал:

— Если б можно с глазу на глаз... если б можно было рассказать все профессору... Вы не думайте, мне нечего бояться... Но то, что я должен сказать, я не могу так, при всех...

Я решил второй раз выручить его и сказал:

— Позвольте поговорить мне с Фаиком наедине. Думаю, это не займет много времени. Вы пока решайте другие вопросы, а потом я вернусь, и мы обсудим его заявление...

Мы вышли. Фаик с видимым облегчением заговорил:

— Большое спасибо вам, профессор, вы меня вывели из очень затруднительного положения. Не знаю, как и благодарить вас, даже если мне откажут.

— Рассказывай, рассказывай, Фаик, не стесняйся, говори, что тебе надо. По мере возможности я помогу тебе.

Стоило мне произнести эти слова, как на глазах Фаика появились слезы. Он отвернулся, достал платок, постарался незаметно смахнуть их. Когда он снова посмотрел на меня, взгляд его был тверд, как у человека, который, наконец, решился излить горе, долго мучавшее его. Подавляя спазмы, сжимавшие ему горло, он начал рассказывать свою грустную историю.

— Профессор, я знаю, очень стыдно говорить обо всем этом, но у меня нет другого выхода. Надо мной смеются, когда я прошу дать мне стипендию и место в общежитии. Люди удивляются, дескать, сын министра, а просит стипендию... Знали бы они, что творится у нас дома... Да, да, профессор, мой папа—министр. Это всем известно. Но знаете ли вы, что он бросил мою мать, привел в дом какую-то чужую женщину и заставляет нас считать ее матерью. Это ужасно, профессор... Я стара-

юсь не бывать дома, ухожу к товарищам, иногда даже остаюсь ночевать. Но сколько так может продолжаться? Это ведь не жизнь. Даже занятия стали хромать. Я хотел уйти из дому еще в прошлом году, но ведь мне совершенно не на что жить, а стипендию не дали. Но теперь я больше не могу. Я понимаю, всем нельзя давать стипендию. Но это моя последняя просьба. Пусть институт не откажет мне в отцовской заботе. Пусть поможет только один год... Раньше я мечтал об аспирантуре. Сейчас мне ничего не нужно, ни аспирантуры, ни лаборатории, ни кафедры. Я уеду, уеду далеко, чтоб никогда больше не видеть отца...

Слова Фаика больно отзывались в моем сердце. Я вспомнил, что мне кто-то рассказывал о семейных делах министра Амикишиева, но я почему-то никогда не связывал этого с заявлением Фаика. Я чувствовал себя очень виноватым.

— У тебя, кажется, есть брат?

— Да, ему только четырнадцать. Но Акиф оказался решительнее меня. Ушел в ремесленное при заводе, там и живет.

— Все ясно, Фаик, — я положил ему руку на плечо, — все ясно. Ничего больше говорить не надо. Надеюсь, что завтра же ты будешь обеспечен и общежитием, и стипендией. Не грусти, сынок.

Стипендию Фаику, конечно, дали. И общежитие тоже. Однако еще долго у меня в душе оставался неприятный осадок. Я думал о тех почтенных отцах семейств, которые лет в пятьдесят, шестьдесят вдруг решают, что до сих пор вся их жизнь была сплошной ошибкой, и что только теперь, на склоне лет, пришла настоящая любовь. Забывая о седине, не стесняясь ни окружающих, ни взрослых детей, они бросают жен, заводят новую семью. Я думал, как же человек должен быть далек от чувства отцовского долга, как должен презирать нормы общественного поведения, чтобы почти под конец жизни связать свою судьбу с какой-то первой встречной, а детей пустить по миру....

Однажды, выйдя с лекции, я заметил, что от дверей ректората ко мне направляется высокий человек в плаще. Он смотрел мне в лицо и еще издали протягивал руку...

— Профессор, будем знакомы. Может быть, вы меня не знаете, но я знаю вас прекрасно. Вы краса и гордость нашего университета, его опора... У меня к вам небольшая просьба, конечно, если разрешите.

Он выпалил все это единым духом, не выпуская моей руки, которую жал изо всех сил.

— У вас учится мой сын, Фанк Амикишиев. Он в вас души не чает...

Когда он назвал свою фамилию, мне показалось, что холодная змея поползла по моей спине.

Какая «небольшая» просьба может быть у этого человека, которого я, не зная, возненавидел? Мне хотелось резко повернуться и уйти. Уйти, не сказав ни слова. А он, словно рассказывал о чем-то таинственном, нагнулся к самому уху:

— Некоторое время назад Фаик просил определить его в общежитие, а теперь я обращаюсь к вам и покорно прошу, чтобы его лишили места в общежитии. Пусть возвращается домой.

— А он хочет этого? Если да, то кто ему мешает вернуться домой?

— Мешать то некому. Но вы, как учитель, любимый учитель могли бы доказать ему, что он должен вернуться домой. Это было бы очень хорошо...

— А он отказывается?

— Но если вы скажете, он обязательно пойдет.

— А может быть, он не хочет?

— Если вы скажете, профессор, он обязательно захочет. Он не посмеет ослушаться вас.

— Но ведь вы отец. Поговорите с ним сами.

— Фаик, кажется, немного обижен на меня. Он еще ребенок, многого не понимает, потому и не хочет слушать меня.

— По-видимому, вы его обидели?

— Нет, он просто меня не понимает. Дело в том, что я развелся с его матерью. А с новой женой он никак не мог поладить. Ну, раза два я, как говорится, делал ему внушение.

Я никак не мог понять этого высокого мужчину. Чего он хочет? Сначала пожертвовал детьми ради новой жены. Почему же теперь он добивается возвращения сына?

— Фаику в общечитии очень удобно, он ни на что не жалуется,— попытался возразить я.

— Нет, Фаик должен вернуться домой. Хотя бы на несколько месяцев. Помилуйте, ведь мне будет стыдно, если сына моей жены впишут в домовую книгу, а моего родного вычеркнут. Теперь мы понимаете,— профессор, в чем дело? Хотя бы на время Фаик должен вернуться.

— А Акиф уже вернулся?

Этот неожиданный вопрос привел собеседника в замешательство.

— Нет... Акиф не может вернуться. Он... Его не отпускают из училища. А вот Фаик может вернуться!

Вдруг меня словно осенило, и я понял, что вызвало такое беспокойство министра. Видимо, с новой женой у него не все ладно. «Любовь» остыла, а может быть, и вовсе погасла. Жена, наверное, требует раздела квартиры. А делить-то будут по количеству жильцов. Вот Амикишиеву и понадобились его дети. Потому-то он и бегаёт то к Фаику, то к Акифу, стараясь во что бы то ни стало сохранить квартиру. Чего доброго и вправду разведется с женой, придется привести домой еще одну, не настал же конец света... Куда он ее денет?..

Разговор о вежливости

Когда гости ушли, отец сказал Кямилю:

— Сколько раз надо повторять тебе: гостей нужно встречать приветливым «добро пожаловать», предложить им сесть...

— А я что делаю? Кто открыл дверь? Кто позвал маму и сделал все, что надо было?

— Сделал, сделал!.. Что ты сделал? Человек курит папиросы, а ты даже не можешь принести пепельницу. Спрашивают номер телефона, отвечаешь «не знаю». Так может любой чабан ответить. А ты человек грамотный, образованный, почему бы тебе не пройти в другую комнату, посмотреть в справочнике. Тогда гости похвалят тебя, скажут, какой воспитанный. А то стоишь, хлопаешь глазами, как баран...

Расстроенный этими упреками, Кямиль понурился и хотел выйти, но отец остановил его:

— Подожди! Тысячу раз я твердил тебе: при людях не держи руки в карманах. А ты не считаешься ни со старшими, ни с младшими, сунешь руки в карманы и разглагольствуешь.

— Зачем же тогда карманы?

— Как это зачем? Ну... Чтобы класть туда что надо, оберегать руки от холода...

Кямилль поймал отца на слове:

— Вот, вот... Оттого и я держу руки в карманах, что мне холодно.

— Холодно?! — Отец подошел к стене и взглянул на термометр: — В комнате плюс 24 градуса, руки у тебя не могут мерзнуть. К тому же ты расстегнул воротник, значит, тебе жарко, и ты напрасно жалуешься на холод. Просто ты привык держать руки в карманах, а это нехорошая привычка, отучись от нее. Я не хочу, чтоб говорили, будто сын у меня невоспитанный. Подумай об этом!

Опустив голову, Кямилль вышел из комнаты. Он чувствовал себя так, будто отец преследует его по пятам и каждую минуту делает новое замечание. «Все от старости... И то, надо же ему что-нибудь говорить!»

Через несколько дней к ним приехали в гости родственники из другого города. Долго расспрашивали отца о работе, о делах, о детях. Отец позвал Кямила. Старший сын вошел в комнату с расстегнутым, как всегда, воротником. Сунув руки в карманы и подавшись немного вперед, он, как на следствии, отвечал на сыпавшиеся один за другим вопросы гостей.

— На каком факультете учитесь?

— На юридическом.

— На каком курсе?

— Перехожу на пятый.

— Молодец, с божьей помощью...

Глядя на позу сына, слушая его ответы, отец готов был сквозь землю провалиться. Когда гости ушли, он хотел было пойти за Кямиллем в его комнату, прочесть очередную нотацию, но потом раздумал.

Когда все в доме уснули, он взял костюм сына, наглухо зашил карманы и положил брюки на место.

Утром Кямилль хотел по привычке сунуть руки в карманы и не нашел их. Внимательно присмотревшись, он увидел, что карманы зашиты. И тут же ему вспомнились наставления отца. Обеими руками он обхватил голову и от обиды заплакал. Мать, которая пришла будить его, от удивления не могла произнести ни слова. Ее взрослый сын, без пяти минут юрист, плакал, как малое дитя. Потрясенная, она побежала к мужу. Но тот наотрез отказался распороть карманы:

— Пусть походит несколько дней, ничего.

Она стояла, растерянная, перед разгневанным мужем, не смея ни повторить свою просьбу, ни вернуться к сыну.

Хочу подумать

В один из жарких дней бакинского лета у высокого каменного дома собралась такая толпа, что невозможно было пройти. Вы думаете, проходила какая-нибудь процессия или собрался митинг? Какой там митинг! Небо дышало огнем, от стен и асфальта валил пар. Казалось, даже страх смерти не может заставить человека остановиться хоть на пять минут под раскаленными солнечными лучами. И тем не менее, люди, собравшиеся перед домом, не расходились. Дело в том, что в этом здании помещался театральный институт, и сегодня начались приемные экзамены.

Есть немало дел, в которых тебе может помочь друг, брат, но на экзаменах ты один на один с комиссией. И только тот, кто прошел этот

путь, знает, что в такую минуту можно надеяться лишь на самого себя, на свои знания. Больше ни на кого и ни на что!

Парни и девушки кучками стояли в тени под деревьями или у стены, взволнованно переговаривались, каждого выходявшего тревожно расспрашивали.

Афзал Баладжаев тоже был здесь. Он знал: через полчаса группа «А» начнет писать экзаменационную работу. Он не боялся. Недаром же он два года работал в районной газете, да и правила грамматики неплохо знает. К счастью, беспокойные языковеды еще не успели провести очередную реформу в орфографии. Афзал не сомневался, что на экзамене ему придется писать сочинение либо о жизни и творчестве какого-нибудь писателя, либо об одном из произведений. Трудно ли это для человека, который знает литературу?

Худой профессор в очках тряхнул седой шевелюрой и распечатал конверт. Две темы были, как обычно, литературные — о творчестве Джалила Мамедкулизаде и Самеда Вургуня. Но внимание Афзала привлекла третья, вольная тема: «Одежда красит человека».

Афзал хорошо знал эту распространенную поговорку. Сейчас надо было проанализировать ее, рассказать о происхождении, может быть, связать с современностью. Наверное, подумал он, в этой работе будут смотреть не столько на содержание, сколько на внешнюю форму, на соблюдение правил орфографии. Именно по этому принципу будут оцениваться знания абитуриента. Иначе работа противоречила бы самой теме, которая утверждает, что вся сила в наряде, то бишь во внешности. А значит, что бы ты ни писал, какие бы не высказывал суждения — неважно, главное — пусть в твоём сочинении не будет ошибок, да чтоб было написано красиво и чисто. Итак, пиши правильно слова, верно строй предложения, расставь как следует все знаки препинания, ставь абзац, когда мысль закончена...

Мысль?.. А она? О, об этом не стоит беспокоиться. Мысль высказали наши предки, а теперь она, готовенькая, заключена в самой теме.

Возьмем природу, общество, какое-нибудь событие, человека... Всегда и во всем первым делом ценится внешность. Как говорится, по одежке встречают... К красивому, аккуратному и нарядно одетому человеку все относятся хорошо. И никто даже не задумывается, что скрывается за привлекательной внешностью, никому просто дела нет до его характера. Пусть этот красивый человек будет хоть вором, негодяем, отцеубийцей — важно, как он одет. Недаром в народе говорят: одежда красит человека.

Афзал придвинул двойной лист, составил план, стал приводить примеры. Он писал быстро, одно за другим нанизывая слова на строчки. Потом вдруг остановился, подумал, зачеркнул несколько фраз, написал снова, опять зачеркнул. «А ведь эта мудрая поговорка однобока, может быть, даже ошибочна, — подумал он. — Внешняя красота может и обмануть. Кому это не известно? В голове промелькнули строчки из стихотворения известного поэта:

Эй ты, сукин сын, хоть красив ты, да нутро гнилое.

Рожденный собакой и сам, в конце концов, станет собакой!

И, как нитка за иголкой, потянулись за этими стихами примеры, противоположные предложенной поговорке: «Сколько я знаю людей, на вид невинных, как ягнята. Посмотришь на них раз, не сможешь глаз отвести, а при ближайшем знакомстве... Сколько горя такой человек может принести! А щебечет-то как! Сладкими речами и змею из норы выманил. Слушаешь и диву даешься: какой же это чистый, безупречный человек! Ни за что в мире не сделает ничего плохого. А я собственными глазами видел, как такие люди исподтишка делают грязные дела...»

Эти мысли заставили Афзала остановиться. Как можно ошибочное утверждение выдавать за народную мудрость, слепо верить ему?

Однако, предложив эту тему, преподаватели, очевидно, не имели в виду, что абитуриенты раскроют истинное значение пословицы. Достаточно изложить, что думали наши отцы, и как они это высказали. Может, и не надо ничего добавлять. Но, посмеявшись над собственными размышлениями, Афзал взял ручку: «От нас требуют анализ! Анализ — это не повторение чужих мыслей. Повторять и попугай может. Основная цель анализа — выявить величие человеческого ума. Прежде всего нужно показать свое собственное мнение, умение мыслить, выражать свои мысли, а не повторять книжные слова. Вот что такое анализ».

Приняв решение, он почувствовал прилив сил, уселся поудобнее и приготовился продолжить работу.

Он поднял голову и только тут заметил, как тихо в огромной аудитории. Склонившись над листками, все абитуриенты усердно скрипели перьями. Полное безмолвие нарушалось лишь тиканьем стенных часов, да мягкими шагами преподавателя, беспрерывно ходившего между столами. Афзал опять погрузился в размышления. «Смотри-ка, сколько сомнений, вопросов вызывает эта пословица, на первый взгляд такая простая и ясная! Народную мудрость, ковавшуюся веками, надо уважать. И я должен говорить об этой пословице с уважением. А что, если я вскрою ее ошибочность? Неужели я должен закрыть на это глаза? Ведь мысль, которая утверждается в ней, в корне неправильна. Ну, может, не так резко, но уж односторонняя она бесспорно! Ни в коем случае девять десятых красоты нельзя приписать наряду, внешности! Это было бы несправедливо, смешно! Нет, я должен показать ограниченность этой пословицы!»

Он уже взял было перо, но тут его пронзила другая мысль. «А если меня обвинят в неуважении к народной мудрости?..»

Он перечеркнул все написанное и, облокотившись о стол, задумался. «Будь, что будет! Пусть считают это неуважением, но зато никто не сможет упрекнуть меня, что я, как попугай, повторяю чужие слова. Пусть почитают мои собственные рассуждения. Преподавателям нравится, когда ученик высказывает самостоятельное мнение. Я помню, в школе тоже обращали на это внимание. Даже ошибки прощали... Во всяком случае, я должен написать все, что думаю. Только такой путь правильный...»

А Афзал, как человек, который, наконец, нашел единственное решение очень сложной и ответственной задачи, обрадованно схватил ручку и принялся писать...

До конца экзамена оставалось совсем немного, когда, сдав работу, Афзал вышел на улицу. Стало чуть прохладней. Перед институтом никого не было. Только в тени сирени сидели несколько человек и тихо рассказывали друг другу, что и о чем они писали.

Как и следовало ожидать, письменная работа Афзала вызвала большие споры. Обычно, проверяя сочинение, преподаватель подчеркивает ошибки, отмечает на полях неправильные мысли или положения и ставит оценку.

Преподаватель, к которому попала работа Афзала, не нашел в ней ни единой ошибки, однако ему не понравился самый подход к теме и, поставив жирный вопросительный знак, он передал работу профессору. Тот, наоборот, остался очень доволен.

— Алишер, — удивленно спросил он, — работа написана чисто, грамотно, почему вы не поставили отметку?

— Да ведь он высказывает совершенно неправильные мысли. Он, видите ли, усомнился в мудрости старой пословицы, залез в такие дебри,

где ничего не понимает, перепутал все на свете. То, что он пишет, не соответствует советской науке.

— Что же именно?

— Прошу вас, профессор, еще раз внимательно прочитайте работу. Афзал Баладжаев против пословицы. Идеи его космополитичны.

Профессор покачал головой.

— Я думаю, не следует искать такие криминалы в работах абитуриентов.

— Гм... А завтра кто-нибудь придет, проверит эти работы, и нас же обвинят в том, что мы неправильно поставили оценку, обманули народ, укрыли под своим крылышком человека, который бросает тень на народную мудрость!

Слова Алишера раздражали профессора. Поставив внушительных размеров пятерку, он насмешливо передернул плечами:

— Если появится человек, который так подумает, пришлите его ко мне. Вы молодой педагог, но должны знать: свежих мыслей бояться нечего. Нам поручены судьбы молодежи, святая святых. Чего вы боитесь? Именно такие студенты, люди смелые, со светлой головой нужны нам. И причем тут космополитизм, дорогой мой!

Алишер ничего не ответил, пожал плечами и, незаметно придвинув к себе работу, подписался.

Когда через два дня Афзал сдавал устный экзамен, после нескольких вопросов по фольклору и истории современной литературы, профессор, довольно потирая руки, спросил, кто был его школьным учителем, где он работает и давно ли.

— Вы написали очень интересную работу, — закончил он, — молодец, умеете самостоятельно мыслить.

Обрадованный Афзал поблагодарил профессора:

— Большое спасибо, профессор, вы очень добры ко мне.

Профессор улыбнулся:

— Да что вы, какая это доброта... Наш долг — внимательно прислушиваться...

Через неделю профессора пригласили на заседание институтского партийного бюро. Это было неожиданно, во время экзаменов никаких собраний не проводили. Значит, что-то очень важное, иначе бы его не пригласили.

Вел заседание член бюро, ответственный за пропагандистскую работу, преподаватель истории Алишан, большой любитель всяких собраний и совещаний, самой природой будто созданный специально для этого.

Увидев его на председательском месте, профессор подумал: «Ну, весь день пропал, этот скоро не закончит...»

Обсуждалось заявление студента четвертого курса о вступлении в партию. После того, как прочитали анкету, задали несколько вопросов, Алишан предложил голосовать. Студента приняли единогласно. Алишан разрешил всем приглашенным по вопросу приема уйти. Профессор думал, что по второму пункту повестки «разное» зачитают несколько объявлений и все.

Однако Алишан как-то необычно торжественно встал, поклонился и, повысив голос, повернулся к профессору:

— Прошу сесть поближе.

Потом он обратился ко всем собравшимся:

— Товарищи, я сознательно не объявил в начале собрания пункт повестки, который нам предстоит разобрать. Теперь, когда нет посторонних, я могу все сказать открыто. Сегодня нам предстоит обсудить поступок профессора. На одном из приемных экзаменов у него произошла

скандалная история. Идеино неправильная работа получила отличную оценку, и абитуриент принят в институт. А теперь у руководства института неприятности. Но предоставим слово профессору. Пусть он расскажет, почему такой недостойный человек, как Афзал Баладжаев, принят в институт. Пожалуйста, профессор.

Профессор, слушавший Алишана с выражением крайнего недоумения на лице, сказал, что вопрос этот для него совершенно неожиданный.

Алишан резко прервал его:

— Профессор, работа, за которую вы поставили «пять», известна многим, переходите к сути дела.

— Что вам известно и каким образом известно — я не знаю. Я знаю только одно: Баладжаев написал грамотную, самостоятельную работу, и мы поставили ему пятерку. Больше об этом студенте я ничего не знаю. Я увидел его впервые на экзамене. Работа мне понравилась потому, что он не приводит бесчисленные цитаты, не ссылается на авторитеты, а написал то, что думает сам, причем написал умно и грамотно. Есть ещё такие люди, которые, не заглянув в бумажку, не могут произнести ни слова. Даже встречая и провожая гостей, они смотрят в шпаргалку. Мы не можем учить этому наших студентов. Самостоятельную мысль следует всегда и во всем приветствовать.

Алишан снова прервал профессора:

— Скажите, вы поставили Баладжаеву пятерку или комиссия?

— Конечно, комиссия.

Алишан повернулся к другому преподавателю:

— Алишер-муэллим, расскажите, пожалуйста, как это произошло, пусть все знают.

Алишер поднялся:

— Я первым проверял работу Баладжаева. Правда, с точки зрения грамматики она безупречна. Но, как вам известно, на приемных экзаменах необходимо обращать внимание и на содержание. Этого требует инструкция министерства.

Алишан бросил с места:

— Конечно, содержание — это основное. Необходимо социальное содержание. В противном случае, к чему красота работы?

Алишер осмелел.

— Вот, вот, внешняя красота не смогла обмануть меня. Поставив вопросительный знак, я вернул работу профессору, предполагая, что он оценит ее должным образом. — Алишер посмотрел на профессора и продолжал: — Но, к сожалению, вышло не так. Не то профессор очень устал, не то от жары себя плохо почувствовал — не знаю, однако, почему эту ошибочную работу он оценил на «пятерку». Абитуриент был принят. А теперь, как видите, неприятности.

Алишан подхватил:

— И все от того, что некоторые члены приемной комиссии... потеряли бдительность. Да, да... К сожалению, это так.

Профессор не вытерпел:

— Не вмешивайте членов комиссии. Оценку поставил я, и настаиваю на своем мнении. Пока ни Алишер, ни Алишан и никто другой не доказали неправильность этой работы. И все разговоры бесполезны.

Алишан вскипел:

— Что значит — бесполезно? Баладжаев отрицает пословицу, превращает в ничто народную мудрость, наш фольклор, эту богатейшую сокровищницу, которую так высоко оценил Максим Горький. Что это повашему? Что, если не чистой воды космополитизм? Я не могу понять, какие еще доказательства вам нужны? Но, если вы будете упорствовать, придется поставить этот вопрос где нужно, мобилизовать обществен-

ность. Никто не разрешил нам пропагандировать космополитические идеи в аудиториях нашего института!

— Какие идеи?

— Космополитические! Что вы думаете, у космополитов рога растут? Нет, они такие же люди, как мы с вами.

Профессор поднялся.

— Такое отношение к первой работе студента можно охарактеризовать как нездоровое, — резко сказал он. — Товарищ Алишан, вы можете говорить все, что хотите, но, пожалуйста, не искажайте слов Максима Горького. Они достаточно хорошо всем известны. Он хвалит народную литературу, пропагандирует ее, но в то же время указывает на отдельные, вредные образцы ее. И студент приводит такие примеры: «Из мужика не выйдет бек, а из теленка — корова», «Дареному коню в зубы не смотрят», «Не жди от женщины верности, от яда пользы». Согласитесь, содержание этих пословиц устарело, оно не только неправильно, но даже порочно. Нельзя брать пословицы абстрактно, вне истории. Вы историк и знаете, что некоторые религиозные обычаи все еще бытуют в народе. Любить народ — это самоотверженно, мужественно бороться за его счастье, за его культуру, за его развитие. Мулла тоже считает себя служителем народа. И те, кто приучает народ к алкоголю, к опиуму, к паломничеству. Вот, где нужна бдительность! Вот чего требует партия. И то, что абитуриент ясно и правильно высказал такую мысль, безусловно, победа нашей школы, нашей молодежи. Таково содержание письменной работы Афзала Баладжаева, а вы приписываете ему аллах знает что. Если Баладжаев будет исключен, я тоже уйду. Обязательно!

Он сел. Несколько минут в комнате царила мертвая тишина. Собравшиеся чувствовали себя так, словно их окатили ушатом холодной воды. Потом все разом зашумели, каждый хотел высказаться. Алишан постучал карандашом, требуя тишины, и долго смотрел по сторонам, выбирая, кому выгоднее дать слово.

В этот момент вошел секретарь комсомольской организации с газетой в руках и, не здороваясь, взволнованно сообщил:

— Читали, товарищ Сталин очень болен! Кровоизлияние в мозг!

— Что? Что ты говоришь?!

Алишан вырвал у него газету и стал читать вслух...

Так прекратилось дело Баладжаева. Потом возвращаться к нему было и не нужно и невозможно.

Через год по радио передавали цикл лекций профессора о фольклоре. В эти же дни молодежная газета напечатала экзаменационную работу Баладжаева. В конце была помещена маленькая заметка от редакции.

Этот номер газеты переходил из рук в руки.

— Вы знаете Баладжаева?

— Его самого нет, а историю эту знаю. Поучительная история...

— Очень поучительная, очень!..

Казначей

Казначей — это человек, которому шахи и государи доверяли все свое имущество, золото... Казначей берег шахскую казну.

Правда, мы с вами не видели ни шахов, ни их казны, ни казначеев. Почему же я вдруг вспомнил обо всем этом? Видно, есть причина, ска-

жете вы. Конечно, есть. Дело в том, что я знаю человека, который очень похож на казначея.

...Познакомился я с ним в публичной библиотеке. Это было давно, я еще учился в школе. Высокий худой старик много лет работал в библиотеке, все знали его и относились к нему с большим уважением. Если молодые библиотекари не могли найти нужную книгу, обращались к нему. Он, бывало, подумает минуту-другую и говорит:

— В одиннадцатом секторе четвертого зала, на второй полке снизу. Эта книга в кожаном переплете.

Я вообще человек нетерпеливый. Мне лень выписывать все данные о нужной книге. Я иду прямо к старику. Он всегда сидит за коричневым столом, заваленным книгами, с карандашом за ухом и лупой в руках. Конечно, мне неловко отрывать его от дела, но он встречает меня тепло и приветливо. Маленькие, усталые, но живые глаза его блестят.

— А, молодой человек, это ты? Ну, говори, что тебе надо?

С одной стороны, мне было стыдно его беспокоить, а с другой, я гордился, что знаком с таким знатоком книг. Но однажды мне не повезло, да еще как!

Казначей меня даже близко не подпустил. Не знаю, что с ним случилось, но, едва услышав мой голос, он вскочил и так грозно посмотрел на меня, словно хотел испепелить взглядом:

— Что ты сказал? Опять книгу просишь? А совесть у тебя есть?

Прямой и гордый, как статуя, он осыпал меня горькими и резкими словами. Я смущенно попятился, не зная, что делать:

— Может, вы меня с кем-нибудь спутали?

Он, кажется, рассердился еще больше.

— Нет, не спутал! Я тебе говорю! И откуда берутся такие невоспитанные люди? Удивляюсь, что им нужно здесь, в сокровищнице мысли? Им место на конюшне, на базаре, на улице!

И он протянул мне пожелтевшую книгу стихов в сафьяновом переплете, из которой была вырвана страница:

— Вот!.. Такое может сделать только фашист! Чтоб у него рука отсохла... Я берегу каждую строчку, каждый листок. И все для того, чтобы молодежь, которая тянется к науке, могла пользоваться книгами, чтоб сохранить чистое, святое наследство прошлого...

Слова застряли у него в горле, он судорожно поднял руку и приложил ее к сердцу, голова беспомощно упала на грудь.

Я помог ему сесть. Вокруг засуетились. Кто-то принес воды. Старик сочувствовал, возмущались вместе с ним.

Этот случай так потряс меня, что несколько дней я не мог прийти в себя. Мне казалось, я должен найти преступника.

Увы, я его не нашел.

Перевод Эльхана ИБРАГИМОВА